
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

СТИПЕНДИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ШВЕДСКОГО ИНСТИТУТА КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Г. С. Рагозин

Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова,
163002, Россия, Архангельск, ул. Набережная Северной Двины, 17

Поступила в редакцию 13.02.2023 г.
Принята к публикации 01.06.2023 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-3-4
© Рагозин Г. С., 2023

Статья обращается к взаимосвязи «мягкой силы», национального брендинга и образовательного сотрудничества в рамках стипендиальной политики Шведского института в 1995—2023 гг. На основании анализа материалов организации, статистических данных и отзывов участников различных периодов можно сделать заключение о противоречивом характере эволюции стипендиальной политики Института. Для определения степени соподчиненности брендинга страны, «мягкой силы» и образовательного компонента был необходим комплексный анализ деятельности организации. Были проанализированы принципы и практики позиционирования Швеции в международном образовательном пространстве, эволюция стипендиальной политики Шведского института, а также соотношение академического трека стипендиата с «мягкой силой» и национальным брендингом. Все это также предполагает изучение динамики распределения стипендиальной поддержки и работы со стипендиатами во время и после обучения в стране. Для этого автор обратился к концепциям национального брендинга и «мягкой силы», проанализировал соотношение этих компонентов на примерах конкретных регионов и стран в указанный период. В итоге делается вывод, что Шведский институт является мощным каналом «мягкой силы» страны. При этом стипендиальная политика оказалась связана с продвижением официальной позиции Стокгольма по вопросам социального, экономического и политического развития в мире. Помимо освоения образовательной программы стипендиат знакомится с работой социальных и политических институтов страны. По состоянию на нынешнее время образовательная составляющая находится перед этим компонентом в подчиненном положении.

Ключевые слова:

национальный брендинг, «мягкая сила», Шведский институт, международная академическая мобильность, Швеция, внешняя политика, стипендиальная политика

Введение

Глобализация и интернационализация высшего образования и науки во второй половине XX — первых десятилетиях XXI в. связаны с продвижением образа страны средствами публичной дипломатии. Знакомство студента или стажера с обществом, культурой и политикой принимающей страны, а также выработка механиз-

Для цитирования: Рагозин Г. С. Стипендиальная политика Шведского института как инструмент «мягкой силы» // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 3. С. 66–82. doi: 10.5922/2079-8555-2023-3-4.

мов поддержки обучающегося государством-донором предстают в этом контексте актуальными проблемами. Стипендиальная политика организаций и фондов ЕС и отдельных стран Европы и Америки в России вызвала неоднозначную реакцию вплоть до 2022 г. Особенно остро стоял вопрос о роли стипендиальной поддержки в вовлечении стипендиата во внешнеполитическую повестку и «мягкую силу» страны-донора. Нарастание противоречий России и Запада с началом украинского кризиса отразилось и на восприятии активности Северных стран и их фондов в Северо-Западном федеральном округе. Программы, реализуемые Норвегией, были тесно связаны с «мягкой силой» этой страны, и обвинения в политической и идеологической ангажированности в последние годы звучали все чаще¹. В то же время по продвижению образа страны средствами образования и академической мобильности эта страна уступает Швеции.

В качестве предмета исследования выбрана деятельность Шведского института, а именно — стипендиальная и грантовая политика, а также его роль в реализации «мягкой силы» и национального брендинга страны в 1995—2023 гг. Дискуссия о соотношении этих элементов в динамике остается острой и для Швеции, и для других стран. Согласно официальной позиции Института все три направления отвечают его миссии — содействию устойчивому развитию и международному сотрудничеству с особым акцентом на Балтийском регионе². Стипендиальная и грантовая политика может рассматриваться как часть национального брендинга и «мягкой силы», нацеленных на укрепление позиций Швеции в мире. До 2022 г. Шведский институт включал в целевую аудиторию программ российских студентов, аспирантов, ученых и преподавателей вузов. Изучение практик других стран может быть полезно для актуализации механизмов национального брендинга, а также разработки его новых форм в России.

Выявление соотношения «мягкой силы», брендинга страны и академического трека стипендиата предполагает анализ ключевых параметров деятельности Шведского института. Для этого необходимо проанализировать принципы позиционирования Швеции как страны-донора образовательных услуг; стратегию и практики стипендиальной политики Шведского института; а также соотношение академического трека стипендиата с «мягкой силой» и национальным брендингом.

Выбор позиций обусловлен тем, что стипендиальная и грантовая политика Шведского института тесно связана с национальным брендингом страны в мире³. Оно влияет и на выбор целевой аудитории стипендий, и на требования к соискателям, и на взаимодействие с выпускниками программ. Шведский институт позиционирует своих стипендиатов как амбассадоров Швеции и университетов, где они обучались или стажировались⁴. Это неизбежно связывается с формированием позитивного образа страны на родине после завершения обучения.

¹ Что стоит за интересом Запада к коренным малым народам российского Севера? 2017, *Государственная комиссия по вопросам развития Арктики*, URL: <https://arctic.gov.ru/2017/10/30/> (дата обращения: 10.05.2023).

² Our mission, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/en/about-si/our-mission/> (дата обращения: 28.08.2022).

³ Vår historia — SI 75 år! 2020, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/om-si/var-historia/> (дата обращения: 02.02.2023).

⁴ Sweden Alumni Network, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/en/how-we-work/alumni/> (дата обращения: 02.02.2023); SI alumni visit Sweden with high-level delegation from Georgia, 2020, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/en/si-alumni-visit-sweden-with-high-level-delegation-from-georgia/> (дата обращения: 02.02.2023); SI alumni among 33 sustainability talents, 2018, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/en/si-alumni-among-33-sustainability-talents/> (дата обращения: 02.02.2023).

Обзор литературы

Исследование образования как фактора «мягкой силы» государства ведется активно в последние десятилетия. Оно началось с конца 1980-х гг., когда Джозеф Най ввел в оборот термин «мягкая сила» [1, р. 153—171; 2, р. 223—232]. Исследователи из США отмечают скандинавский пример как опыт стран с небольшой «жесткой силой» на фоне тех, кто сочетает ее с «мягкой» (М. Брайан, К. Хартвелл, Вэй Шан-цин) [3, с. 64—75]. Там же распространена точка зрения, согласно которой «мягкая сила» помогает купировать враждебные настроения к стране-донору в отдельных регионах (У. Раф) [4]. При этом Джозеф Най и его последователи критиковали прочтение своих идей как «положение без проигравших» [5], несмотря на наличие такой трактовки в стратегии ряда Северных стран в Арктике, в том числе в Швеции [6, с. 156—159; 7, с. 90—99; 7, с. 54—57; 9, с. 18—28; 10, с. 127—136; 11, р. 289—308; 12, р. 97—103].

Российские исследователи, например А. В. Торкунов, делали акцент на факторах конкурентоспособности образовательного экспорта странами БРИКС [13, с. 85—93]. А. И. Смирнов и И. Н. Кохтюлина изучали «мягкую силу» как фактор глобальной безопасности [14], а Ю. Н. Саямов — как фактор устойчивого развития [15, с. 17—29]. Н. Л. Антонова, А. Д. Сущенко и Н. Г. Попова рассматривали роль «мягкой силы» посредством образования в борьбе за глобальное лидерство [16, с. 31—58]. Из зарубежных стран в этой плоскости наибольшее внимание приковано к США (Е. А. Антюхова, О. А. Фролова, М. В. Братерский, А. С. Скирба) [17, с. 123—136; 18, с. 86—98; 19, с. 197—209; 20, с. 49—54; 21, с. 130—144]. Растет интерес к деятельности Института Конфуция КНР по продвижению китайского языка и культуры (Т. Л. Андреева, К. Е. Керн) [22, с. 25]. Данный фактор считается актуальным и для изучения опыта Швеции: в стране так же полагают интерес к шведскому языку важным каналом самопрезентации страны.

Ю. О. Шестова и И. В. Рыжкова, оценивая академическую мобильность студентов с позиции «мягкой силы», пришли к выводу, что в культурно-цивилизационном измерении экспорт образования влияет на имидж государства в мире [23, с. 153]. Научное и образовательное сотрудничество как фактор развития Арктического региона рассмотрел коллектив ученых САФУ и АНЦ РАН в г. Архангельске (П. С. Журавлев, О. В. Зарецкая, А. О. Подоплекин, А. В. Репневский и А. М. Тамицкий). Они уделили значительное внимание научной инфраструктуре кооперации «Арктической восьмерки» и других стран [24].

Остается плохо исследованным конкретный пример Швеции. Стокгольм отличается сочетанием национального брендинга, содействия развитию и «мягкой силы» вкупе с грантовой, стипендиальной и образовательной политикой. Шведские исследователи, например Андреас Окерлунд и Николас Гловен, изучали стипендиальную политику Шведского института как опыт соединения публичной дипломатии и содействия развитию [25; 26; 27, р. 147—167; 28]. Томас Лунден сосредоточился на укреплении позиций Швеции в балтийских республиках СССР посредством публичной дипломатии и академического трека в последние годы существования СССР [29, р. 336—347]. Однако особенности и итоги этой политики в динамике остались вне поля зрения. То же самое можно сказать и о конкретных практиках взаимодействия со стипендиатами и выпускниками программ [30; 31, р. 79—80]. Несмотря на сохранение интереса к проблеме [32], конкретный кейс остается слабо изученным вне Швеции. Изданные там работы аффилированы со Шведским институтом. Например, Джеймс Паммент обращает внимание на актуализацию и продвижение образа страны и ее роли в международной коммуникации в мире [33; 34].

Методология исследования

Методология исследования опирается на концепции «мягкой силы», публичной дипломатии и национального брендинга. Концепция «мягкой силы», как уже было сказано, была предложена профессором Гарвардского университета Джозефом Наем в конце 1980-х гг. Он трактовал ее как «способность влиять на “другого” своим примером и ее принятие реципиентом по доброй воле, без силового или иного воздействия» [35, р. X]. Дополняет ее концепция «публичной дипломатии» как информационного воздействия на общественное мнение в других странах. Значение этой концепции заключается в формировании у выходца из другой страны благожелательного образа страны-реципиента. Делается упор на преимущества образа жизни страны-донора как достойного воспроизведения. Таковыми и выступают политические практики, культура, экономическая и социальная модели развития [36, с. 33]. Концепция национального брендинга применяется в части формирования имиджа Швеции посредством стипендиальной, грантовой, образовательной политик и информационного продвижения. В данном контексте имидж, то есть образ страны, может восприниматься и как средство «мягкой силы», и как ее продукт [37, с. 27—30; 37]. Представляется возможным опираться на все эти наработки и определить степень подчинения этих составляющих на примере деятельности Шведского института.

Нижняя хронологическая граница анализа связана с учреждением программы *Visby* в 1995 г. как инструмента академического сотрудничества, национального брендинга и «мягкой силы» Швеции на российском, балтийском, белорусском и украинском направлениях. Верхней границей выступает 2023 г. в силу проявления итогов исключения России из программ Института в 2022 г., связанного с позицией Стокгольма по Украине.

В качестве источников выбраны несколько групп материалов. Первая группа — официальные публикации Шведского института на сайте организации: пресс-релизы, отчеты Института, анонсы программ. Достоинством материалов является возможность отследить динамику финансирования программ Шведского института, подходы к целевой аудитории, а также цели организации на конкретном направлении.

Второй группой выступают отзывы стипендиатов, опубликованные Шведским институтом. Эта практика началась в 2002 г., когда появился «Новостной бюллетень выпускников Шведского института» (*SI Alumni Newsletter*)¹. Со временем отзывы стали публиковаться на сайте организации в разделе *SI Stories*². Данные материалы позволяют оценить влияние участия стипендиата в программе на его/ее профессиональное развитие, восприятие Швеции и ее ценностей, а также мнение о трансфере шведских практик в страну происхождения. Эта категория текстов немногочисленна в силу необходимости получить согласие стипендиата на публикацию, а также модерации интервью перед выходом.

Шведский институт как инструмент национального брендинга и «мягкой силы»

Шведский институт был основан в 1945 г. для повышения уровня осведомленности о стране в мире и для развития международного сотрудничества страны по линиям культуры, образования и науки³. С 1990-х гг. Институт ведет стипендиаль-

¹ *SI Alumni Newsletter*, 2002, № 1, *Internet Archive Wayback Machine*, URL: <https://web.archive.org/web/20060827223544/http://www.si.se/upload/Docs/Alumni/Alumni1-02.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).

² *Swedish Institute*, 2023, URL: <https://si.se/en/news/> (дата обращения: 15.05.2023).

³ *Vår historia — SI 75 år! Swedish institute*, 2020, URL: <https://si.se/om-si/var-historia/> (дата обращения: 02.02.2023).

ную политику в отношении отдельных стран и регионов с различными акцентами. Он реализует и политику национального брендинга: продвигает образ страны, где имеются все условия для получения качественного образования, воплощения глобальных и социально значимых проектов и занятий научно-исследовательской работой на передовых направлениях. Институт полагает это заслугой шведского общества и ментальности, адаптированных к приему иностранного студента.

Позиционирование Швеции как страны, где можно получить образование, ведется через портал *Study in Sweden*, запущенный в 2003 г.¹, и отдельные разделы сайта Института. Миссия Института провозглашается как «культивирование и поддержание интереса и доверия к Швеции в мире», а также сотрудничество в Балтийском регионе и содействие глобальному развитию. Для этого Шведский институт обращается к публичной дипломатии, то есть развитию связей между странами на человеческом уровне. Институт проводит анализ уровня осведомленности о стране и ее восприятии в мире, а также осуществляет непосредственное продвижение образа Швеции посредством медиа.

Швеция изображается как наиболее подходящее место получения образования в силу успешного развития страны и ценностей ее населения. Ментальные установки шведов в экономике, социуме, культуре и экологии приводятся в качестве довода в пользу выбора иностранным студентом Швеции как места учебы. Из шведских ценностей в экономике выделяется инновационность компаний, базирующихся в стране, и оптимальный баланс между работой или учебой и остальной жизнью. В социальной составляющей делается акцент на готовность шведов к совместной конструктивной работе и сотрудничеству, а также уважение к личному пространству и личному выбору конкретного человека и равенство возможностей. Немаловажной ценностью в Институте полагают открытость шведского социума к другим культурам и готовность погрузить прибывшего студента в свою. Экологическое сознание шведов также включается в национальные ценности и является доводом в пользу выбора страны как места учебы².

Шведское общество и его университетская среда изображаются комфортными для получения образования на любом уровне. Подчеркивается, что студент получит не только необходимые для профессии навыки, но и социализируется в интернациональной среде. При этом предполагается ориентация выпускника на «шведский путь» как оптимальную модель социального и экономического развития по возвращении на родину. Это подчеркивает позицию Института как элемента «мягкой силы» Стокгольма, способствующего продвижению шведских ценностей и модели развития за пределы страны.

Стипендиальная политика Шведского института: между академическим диалогом, национальным брендингом и «мягкой силой» на Балтике и в «Восточном партнерстве» ЕС, 1995 — 2020 годы

Эволюция стипендиальной политики Шведского института отражала динамику приоритетов организации и внешней политики страны. С учетом позиционирования Швеции, а также продвижения ею своих современных ценностей стипендиаль-

¹ Study in Sweden, 2003, *Internet Archive Wayback Machine*, URL: https://web.archive.org/web/20031008160846/http://www.sweden.se/templates/SISFrontPage___4908.asp (дата обращения: 18.05.2023) ; Plan your studies, *Study in Sweden*, 2023, URL: <https://studyinsweden.se/> (дата обращения: 18.05.2023).

² Moving to Sweden, 2023, *Study in Sweden*, URL <https://studyinsweden.se/moving-to-sweden/the-swedish-way/> (дата обращения: 02.02.2023).

ная политика велась в связи с «мягкой силой» Стокгольма уже в 1990-е гг. Годовой бюджет Института, в том числе на стипендиальный фонд, в 1997—2022 гг. возрос с 180 млн до 470 млн крон в последние годы. Из них в 2022 г. 294 млн крон составили стипендии и гранты¹. Это подтверждает важность стипендий Шведского института для отправления Стокгольмом «мягкой силы», национального брендинга и академического сотрудничества.

Первым объектом стипендиальной политики, национального брендинга и «мягкой силы» посредством Шведского института стали страны Балтии, Польша и Россия. В случае с последней делался особый акцент на регионах Северо-Западного федерального округа, в том числе входивших в Баренцев Евро-Арктический регион². С 1995 г. это сотрудничество работало в двух формах: стипендиальной поддержки обменов студентами, аспирантами и преподавателями, а также спонсирования проектов и инициатив в области культуры и преподавания шведского языка. Во втором случае поддерживались и культурные обмены: выставки, концерты, конференции, медиалаборатории под общим названием «Партнерство во имя культуры» (*Partnerskap för Kultur*). Географические рамки включали проекты с участием Швеции, Финляндии, России, стран Балтии, Польши, Беларуси и Украины. Главный акцент ставился на «развитии свободы слова, разнообразия, демократии и общей безопасности»³. Таким образом, после проведения социально-экономических и политических реформ на постсоветском пространстве Шведский институт инициировал работу с позиций «мягкой силы» для продвижения принятого Стокгольмом понимания демократических ценностей.

Открытие программы *Visby* в 1995 г. отражало приоритеты шведской внешней политики и национального брендинга. Она предусматривала семестровое или годичное обучение по обмену в шведских вузах-партнерах, учебу в магистратуре для студентов, а также стажировки аспирантов и преподавателей вузов. Согласно официальным сведениям, они были нацелены на развитие академического сотрудничества шведских университетов с партнерами в России, Польше и странах Балтии⁴. Название программы совпадает с названием шведского города и центра Ганзейской торговли на о. Готланд до конца XV в. — Висбю. В конце XX в. муниципалитет Висбю вступил в «Ганзейский союз Нового времени» и предложил создать молодежный форум — «Молодую Ганзу». Выбранное брендрование показывает программу как преемницу исторических связей и влияния Швеции на Балтике. Главный акцент ставился на конструктивном воздействии страны на своих соседей.

Первые стипендиаты приступили к обучению при поддержке программы в 1997 г. На период 1997—2000 гг. Шведский институт выделил 120 млн крон в качестве стипендий выходцам из России, стран Балтии и Польши, а также из Украины и Беларуси. Всего за время работы программы в 1997—2020 гг. ею было охвачено около 7 тыс. студентов, аспирантов и преподавателей из России, стран Балтии,

¹ Our mission, 2023, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/en/about-si/our-mission/> (дата обращения: 03.02.2023).

² VISBYPROGRAMMET, 1998, *Swedish Institute*, 1998, URL: <https://web.archive.org/web/19980205040731/http://www.si.se/stipendier/visby.html> (дата обращения: 17.05.2023) ; *Ett årtionde med Central- och Östeuropa. En sammanfattning från Svenska Institutet*, 2001, Stockholm, s. 22.

³ *Ett årtionde med Central- och Östeuropa. En sammanfattning från Svenska Institutet*, 2001, Stockholm, s. 33.

⁴ The SI Visby Programme, 2017, *Uppsala Universitet*, URL: https://indico.uu.se/event/454/contributions/728/attachments/722/926/171213_UA_Visby_short.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

Польши, Украины, Беларуси, Молдовы, Грузии, Армении и Азербайджана¹. Число стипендий, выделенных студентам в 1997—2020 гг., варьировалось: в первый год оно составило 240, снизившись до 64 в 2002/03 учебном году. Оно продолжило расти с 2004 по 2011 г., оставаясь в пределах от 186 до 250 стипендий, после чего снова сократилось до 92 в 2013—2014 гг. В 2016 г. на стипендии были номинированы 105 человек [28, s. 41]. До реорганизации программ Института в 2020 г. число выделенных стипендий студентам и преподавателям оставалось прежним². Такие колебания численности стипендиатов связаны с расширением географии действия стипендиальных программ Института, поддержкой мобильности шведских студентов, аспирантов и преподавателей, а также с развитием преподавания шведского языка на Северо-Западе России.

Граждане России были самой многочисленной группой стипендиатов программы *Visby* до 2013 г. Численность привлеченных россиян достигла пика в 2010/11 учебном году (96 стипендий), после чего начала снижаться. В 2015 г. россияне уступили украинцам первенство по полученным стипендиям (34 стипендии против 36), оставаясь одной из главных целевых групп [28, s. 41].

На первых этапах существования программы студенты и преподаватели из вузов СЗФО выделялись в отдельную категорию. Стокгольм подчеркивал свою роль в развитии культурного, образовательного и научного диалога на Европейском Севере³. При этом, как и в случае с остальными странами — участниками программ, доля стипендиатов по гуманитарным и социальным направлениям подготовки была незначительно выше, чем по естественно-научным и техническим [28, s. 5]. Такая пропорция демонстрирует четкую связь с концепцией «мягкой силы», так как на постсоветском пространстве через призму западных социальных и политических теорий продвигались присущие Швеции трактовки свободы слова, равноправия, демократии, многопартийности, рыночной экономики и «социального государства»⁴.

Помимо России в программу были включены Беларусь, Украина, Польша и страны Балтии. Ориентир на поддержку там шведского понимания демократии, рыночной экономики и социального государства, а также продвижение шведского языка и культуры отразился и на стипендиальной политике. Будучи с 1995 г. членом ЕС, Швеция содействовала евроинтеграции Польши и стран Балтии. Исходя из этого преобладали стипендиаты по социальным и гуманитарным направлениям с целью унификации теории и практики права, социальной политики и изменения политической культуры этих стран⁵. Например, на начальном этапе программы *Visby* стипендиаты из Польши, Эстонии, Латвии и Литвы суммарно превышали численность вовлеченных россиян (182 против 58) [28, s. 41]. С 2001 г. число стипендиатов из этих стран сократилось, а с их вступлением в ЕС в 2004 г. стало минимальным. Это было связано с развитием иных инструментов поддержки мобильности студентов и преподавателей вузов в Евросоюзе.

¹ Vår historia — SI 75 år! 2023, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/om-si/var-historia/> (дата обращения: 02.02.2023).

² Sverige i världen Svenska institutet 75 år, 2020, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/app/uploads/2020/11/sverige-i-varlden-svenska-institutet-75-ar.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).

³ *Ett årtionde med Central- och Östeuropa. En sammanfattning från Svenska Institutet*, 2001, Stockholm, s. 33.

⁴ SI Alumni Newsletter, 2004, №3, s. 4-5; Högt deltagande av östeuropeiska studenter i sommarkurser runt om i Sverige, *Internet Archive Wayback Machine*, 2009, URL: <https://web.archive.org/web/20090831231518/http://si.se/Svenska/Innehall/Pressnyheter/Nyheter/Nyheter-2009/Hogt-deltagande-av-osteuropeiska-studenter-i-sommarkurser-runt-Sverige/> (дата обращения: 18.05.2023).

⁵ *Juridikstudier i Sverige*, 2001, *Ett årtionde med Central- och Östeuropa. En sammanfattning från Svenska Institutet*, Stockholm, s. 34.

Учреждение в 2009 г. «Восточного партнерства» ЕС отразилось и на стипендиальной политике Шведского института. Акцент в ней стал смещаться в сторону Беларуси, Украины, Молдовы, Армении и Азербайджана, то есть Швеция включалась в поддержку развития сотрудничества этих стран с ЕС. Более того, с 2013 г. Шведский институт в свои стипендиальные программы стал активнее вовлекать Украину. Это связано с особым акцентом, который ставился на этой стране в Европейском союзе и в Швеции. К обучению привлекались стипендиаты, нацеленные изучать социальную теорию, политологию, журналистику, право ЕС, глобальные процессы и миграцию [28, s. 45]. В определении стипендиальной политики это означало преобладание «мягкой силы».

Введение в 2014 г. первых санкций против России и общий тренд на свертывание сотрудничества с ней отразились на стипендиальной политике. Так, в 2015/16 учебном году россияне уступили первенство украинцам по числу полученных стипендий [28, s. 41]. Численность российских участников программ Шведского института последовательно сокращалась. Это связано с развитием стипендиальных программ для других регионов Европы и мира, а затем и с последующей реорганизацией системы поддержки мобильности Шведским институтом¹.

С 2015 г. Шведский институт в программу *Visby* включил изучение в вузах страны шведского языка на продвинутом уровне, а спустя два года объявил желающих учиться на шведском языке приоритетной целевой группой². Это обусловлено поддержкой преподавания шведского языка в вузах Северо-Западного федерального округа РФ. Помимо этого Шведский институт распределял стипендии для студентов, прибывающих в шведские вузы — члены консорциума Университета Арктики по программе «Север-к-Северу» (*North2North*). Таким образом, сокращение российского участия в программе *Visby* было частично скомпенсировано поддержкой мобильности на Арктическом направлении и изучением в России шведского языка и культуры. Иными словами, акцент сместился в сторону поддержания национального брендинга и сотрудничества с вузами СЗФО, где преподается шведский язык. Это было совместимо с риторикой об Арктике как регионе, где конструктивное взаимодействие всех включенных в него стран считалось приоритетным даже на фоне имеющихся споров за его пределами³.

Распределение стипендиального фонда последних лет работы программы (2019—2020) отражало приоритеты Швеции по отношению к России и «Восточному партнерству». Оно подразумевало продвижение понятия демократии, равенства и права, в том числе посредством демонстрации успеха «шведской модели». В пользу этого говорит небольшое число выделенных стипендий на естественно-научные и технические направления подготовки: 8 из 65 — в 2019 г.⁴ и 10 из

¹ По программе *Visby* в последние годы ее работы для россиян выделялось в среднем 10 из 40—50 стипендий в рамках трека стажировки аспирантов и НПР и 12 из 63 стипендий для обучения в магистратуре. На 2022/23 учебный год для обучения в магистратурах шведских вузов россияне получили 19 из 432 стипендий. Также с 2015 г. ранее предусматривалась отдельная квота для изучающих шведский язык и заинтересованных его учить далее в Швеции. SI Scholarships for Global Professionals (SISGP), *Internet Archive Wayback Machine*, 2022, URL: https://web.archive.org/web/20230206084632/https://si.se/app/uploads/2022/04/si-scholarship-recipients-2022_revised.pdf (дата обращения: 03.02.2023); The Swedish Institute Visby Programme, *Indico*, 2017, URL: https://indico.uu.se/event/454/contributions/728/attachments/722/926/171213_UA_Visby_short.pdf (дата обращения: 10.02.2023).

² The Swedish Institute Visby Programme, *Indico*, 2017, URL: https://indico.uu.se/event/454/contributions/728/attachments/722/926/171213_UA_Visby_short.pdf (дата обращения: 10.02.2023).

³ Итоги Международного арктического форума — 2019, 2019, *Арктика — территория Диалога*, URL: <https://forumarctica.ru/the-forum/results/> (дата обращения: 21.05.2023).

⁴ Swedish Institute Scholarship Programmes. Visby Programme - 2019/2020, 2019, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/app/uploads/2019/04/list-of-successful-candidates-visby-programme-2019.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).

63 — в 2020 г.¹. При этом в 2019 г. более трети, а в 2020 г. половина всего фонда была выделена гражданам Украины и Грузии. Так реализовывалась «мягкая сила» Швеции, которая по параметрам совпадала с политикой ряда стран ЕС в отношении Киева и Тбилиси. То же самое справедливо отметить и по отношению к россиянам. Несмотря на небольшой охват в 10 стипендий в 2019 г. и 16 в 2020 г., большая часть их получателей поступала на программы социальной и гуманитарной направленности.

Данные программы формируются в русле западных социальных и политических теорий последних десятилетий. При этом студент во время учебы под руководством Института знакомится с политической и социальной системой Швеции на конкретных примерах, как это показано в интервью стипендиатов из Грузии². Другой пример связан с выпускниками из Украины: акцент делался на трансфере ими характерных для Швеции практик взаимодействия граждан и государства посредством цифровой среды³. С учетом этого, а также активного продвижения успехов «шведского пути» можно сделать вывод об использовании образовательного процесса как канала «мягкой силы». Стипендиат после окончания обучения может поддерживать связь с Институтом посредством ассоциаций *SI Network for Future Global Leaders* и *Sweden alumni network*⁴. То есть организация позиционирует всех прошедших обучение в Швеции по линии Шведского института как потенциальных «мировых лидеров». При этом канал «мягкой силы» располагает обратной связью.

Стипендиальная политика Шведского института с 2020 года: организационные и политические изменения

В 2020 г. стипендиальные программы Шведского института были объединены в одну — *SI Scholarship for Global Professionals*. В 2020/21 учебном году программой было охвачено 420 человек⁵, в 2021/22 учебном году — 359 человек из 42 стран⁶, в

¹ Swedish Institute Scholarship Programmes. Visby Programme - 2020/2021, 2020, *Scholarships in Europe*, URL: <https://www.scholarshipsineurope.com/wp-content/uploads/2021/05/list-of-successful-candidates-visby-programme-2020.pdf> (дата обращения: 10.02.2023).

² My years as an SI scholar will equip me to serve my country in advancing human rights protection, 2023, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/en/my-years-as-an-si-scholar-will-equip-me-to-serve-my-country-in-advancing-human-rights-protection-and-democratic-development/> (дата обращения: 11.02.2023).

³ I want to be helpful for my country. It's a mission I have, 2023, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/en/i-want-to-be-helpful-for-my-country-its-a-mission-i-have/> (дата обращения: 19.05.2023).

⁴ The Swedish Institute graduates 370 international students at Stockholm City Hall, 2022, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/en/the-swedish-institute-graduates-370-international-students-at-stockholm-city-hall/> (дата обращения: 11.02.2023) ; SI alumni among 33 sustainability talents, 2018, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/en/si-alumni-among-33-sustainability-talents/> (дата обращения: 11.02.2023) ; SI alumni visit Sweden with high-level delegation from Georgia, 2020, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/en/si-alumni-visit-sweden-with-high-level-delegation-from-georgia/> (дата обращения: 11.02.2023).

⁵ More than 400 scholarships awarded to international students, 2020, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/en/more-than-400-scholarships-awarded-to-international-students/> (дата обращения: 13.05.2023).

⁶ Swedish Institute Scholarships for Global Professionals, 2021, *Internet Archive Wayback Machine*, URL: <https://web.archive.org/web/20210815224331/https://si.se/en/apply/scholarships/swedish-institute-scholarships-for-global-professionals/> (дата обращения: 13.05.2023).

2022/23 учебном году — 432 человека из 41 страны¹. На 2023/24 учебный год Шведский институт выделил 299 стипендий². Программа стала среди прочего преемницей *Visby*: среди участников оставались Россия и страны «Восточного партнерства» ЕС. Однако теперь абитуриенты из этих стран конкурировали с гражданами других стран на общих основаниях.

Во время переходного периода, а именно в 2019/20 учебном году, фонд распределялся по целевым группам стран. Численно преобладала группа соискателей из стран Азии, Африки и Латинской Америки с целью обучения в магистратуре шведских вузов³. Из африканских стран была обособлена лишь ЮАР, на которую приходились 13 стипендий, что было на сопоставимом с россиянами уровне⁴. В особую квоту выделялся стипендиальный фонд для граждан Турции и стран Западных Балкан (Сербия, Босния и Герцеговина, Албания, Северная Македония, Косово). В ней преобладали стипендиаты из Турции (10 человек), что сопоставимо с количеством россиян⁵. Такое распределение коррелирует с концепцией «мягкой силы» Европейского союза, нацеленной на добровольное вовлечение стран региона в его политику до событий 2022 г. В большей степени это утверждение актуально для Турции и Сербии, а из африканских стран — для ЮАР.

После начала специальной военной операции на Украине Шведский институт приостановил участие России в своих стипендиальных программах и усилил поддержку украинских образовательных и общественных организаций. При этом Институт делает ставку на проекты, связанные с поддержкой культуры и искусств, а также гражданского общества, сориентированные на модель ЕС на шведском примере⁶. Стипендии для россиян были выделены в последний раз в 2022—2023 гг. для 19 обучающихся по экономическим, социальным и гуманитарным наукам. На настоящий момент (2023) у россиян нет возможности подать заявку на стипендию. Несмотря на активную поддержку украинских образовательных и общественных организаций, Шведский институт для обучения украинских стипендиатов выделил всего 16 стипендий в 2022 г.⁷ и 7 — в 2023 г.⁸. Это связано с изменением приоритетов организации в отношении Украины.

¹ The Swedish Institute award scholarships to 432 foreign students for studies in Sweden, 2020, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/en/the-swedish-institute-award-scholarships-to-432-foreign-students-for-studies-in-sweden/> (дата обращения: 13.05.2022).

² Scholarship recipients academic year 2023/2024, 2023, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/app/uploads/2023/04/si-scholarship-recipients-2023.pdf> (дата обращения: 13.05.2022).

³ Swedish Institute scholarship recipients 2019/2020, 2019, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/en/swedish-institute-scholarship-recipients-2019-2020-swedish-institute/> (дата обращения: 03.02.2023).

⁴ Swedish Institute Scholarships for South Africa (SISSA) — 2019/2020, 2019, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/app/uploads/2019/04/list-of-successful-candidates-sissa-2019-2020.pdf> (дата обращения: 03.02.2023).

⁵ Swedish-Turkish Scholarship Programme and SI Scholarships for the Western Balkans 2019/2020, 2019, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/app/uploads/2019/04/list-of-successful-candidates-turkey-w.-balkans-2019.pdf> (дата обращения: 03.02.2023).

⁶ The Swedish Institute's support to Ukraine 2022-2023, 2023, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/en/the-swedish-institutes-support-to-ukraine-2022-2023/> (дата обращения: 19.05.2023).

⁷ SI Scholarships for Global Professionals (SISGP) Recipients 2022, 2022, *Internet Archive Wayback Machine*, URL: https://web.archive.org/web/20220429200126/https://si.se/app/uploads/2022/04/si-scholarship-recipients-2022_revised.pdf (дата обращения: 19.05.2023).

⁸ SI Scholarships for Global Professionals (SISGP) Recipients 2023, 2023, *Swedish Institute*, URL: <https://si.se/app/uploads/2023/04/si-scholarship-recipients-2023.pdf> (дата обращения: 19.05.2023).

Одобренные для обучения в магистратуре стипендиаты представляли все отрасли наук. По программе *SI Scholarships for Global Professionals* большинство мест выделялось для обучения по естественно-научным, медицинским и техническим направлениям подготовки. Это свидетельствует о самопрезентации Швеции как страны, готовой помогать экономическому росту и благополучию стран происхождения стипендиатов. Среди представителей гуманитарных направлений наблюдается перевес в пользу программ по международному лидерству, глобальным проблемам и гендерным вопросам. Это связано с продвижением шведского понимания свободы, демократии, равенства, мультикультурализма и социального благополучия в развивающихся странах через обучение в рамках парадигм западной социальной теории последних десятилетий. Обучающиеся по гуманитарным направлениям преобладают среди стипендиатов из Турции, Украины, Беларуси и Западных Балкан. Все это демонстрирует фокус Швеции на обучении иностранных студентов как канале «мягкой силы», вовлечении в курс Стокгольма и евроинтеграцию отдельных стран.

Выводы

Стипендиальная и грантовая политика Шведского института проявляла себя противоречиво начиная с 1990-х гг. Будучи организацией, нацеленной на продвижение страны в мире, а также на содействие ее сотрудничеству с соседями, Шведский институт стал мощным каналом «мягкой силы» страны. Стипендиальная политика организации стала лишь одной из частей продвижения повестки Стокгольма и формирования благожелательного образа страны. Посредством стипендиальных программ Шведский институт стремится не только влиять на отношения Швеции со страной происхождения стипендиата, но и стимулировать рецепцию шведских ценностей вкупе с социальными и политическими практиками. Они популяризируются посредством погружения в них стипендиата, а затем он сам становится каналом их продвижения в своей стране и за ее пределами. «Шведский путь» социально-экономического и политического развития при этом предстает наиболее достойным для подражания. Особенно это проявилось после усиления работы с Украиной при сокращении сотрудничества с Россией. До этого ту же функцию выполняла активная работа Института с вузами СЗФО, включая продвижение шведского языка и культуры. Вопрос противодействия транслируемым Швецией нарративам, в том числе средствами стипендиальной политики, «мягкой силы» и образования, требует отдельной проработки как с институциональной, так и с содержательной позиции.

Стипендиальная политика Шведского института как инструмент «мягкой силы» проявила себя в двух форматах. Для развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки это содействие подготовке кадров по естественно-научным, техническим и медицинским направлениям. Так формировался образ Швеции как страны, нацеленной на помощь бедным странам в решении социальных и экономических проблем. Иная ситуация была в отношении России, стран «Восточного партнерства» ЕС и Турции: среди стипендиатов из этих стран преобладали обучающиеся по социальным и гуманитарным наукам. В приоритете были программы с явными отсылками к западной социальной теории и связанным с ними практиками, в частности прав человека и меньшинств, диалога власти и общества, мультикультурализма и т. п. Таким образом, здесь проявилась реализация «мягкой силы» как содействия добровольному принятию стипендиатами и направляющей страной ценностей и практик Швеции в качестве примера, достойного воспроизведения. Стипендиальные программы стали восприниматься и Шведским институтом, и официальным Стокгольмом как канал трансфера своих социальных, культурных и политических практик в третьи страны.

Это подтверждается и позиционированием образа выпускника программы Шведского института как «носителя» изученных в стране ценностей и практик, достойных воплощения. «Истории успеха» ряда выпускников демонстрируют их ориентацию на «шведский путь» развития и готовность транслировать его, подкрепленную поддержкой во время обучения. Поэтому стипендиальная политика Шведского института начиная с середины 2010-х гг. все более представляет собой канал национального брендинга и «мягкой силы» Стокгольма, а институт международного академического сотрудничества оказывается в их подчинении.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20462, проект «Международное сотрудничество на Европейском Севере: институциональные формы, вызовы и перспективы для реализации арктической политики России в конце XX — начале XXI вв.».

Список литературы

1. Nye, J. 1990. Soft Power, *Foreign Policy*, № 80, p. 153—171.
2. Boldyreva, S. Yu., Boldyrev, R. Yu., Beloshitskaya, N. N. 2020, Federal university's role in the implementation of the Russian Federation "soft power" conception in Central Asia (the case of Northern (Arctic) Federal university named after M. V. Lomonosov), *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, vol. 25, № 2, p. 223—232, <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.16>.
3. Брайан, М., Хартвелл, К., Нуреев, Б. 2014, «Мягкая сила» — палка о двух концах, *BRICS business magazine*, № 1 (5), с. 64—75.
4. Rugh, W. 2017, American soft power and public diplomacy in the Arab world, *Palgrave Communications*, № 3, 16104, <https://doi.org/10.1057/palcomms.2016.104>.
5. Цыганков, А. 2013, Всесильно, ибо верно? «Мягкая сила» и теория международных отношений, *Россия в глобальной политике*, т. 11, № 6, с. 26—36. EDN: RWTJRZ.
6. Говорова, Н.В., Журavelь, В.П., Самыловская, Е.А. 2018, Российская Арктика: проблемы международного сотрудничества, *Современная Европа*, № 1 (80), с. 156—159, EDN: YULDAC.
7. Журavelь, В.П. 2021, Председательство России в Арктическом Совете, *Современная Европа*, № 5 (105), с. 90—99, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520219099>.
8. Кузнецов, С.В., Межевич, Н.М., Болотов, Д.А. 2016, Приграничное сотрудничество на Северо-западе России: теория, российская практика в новых геополитических условиях, *Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов*, Материалы Третьей научно-практической конференции с международным участием, с. 54—57. EDN: ZAKBVH.
9. Podoplekin, A. O., Pavlenko, V. I., Hik, D., Mikkelsen, N., Barr, S., Rachold, V. 2014, International Arctic Science Committee: Arctic research priorities, *The Arctic Herald*, № 4 (12), p. 18—28. EDN: WIZJWN.
10. Рыжкова, И.В., Сергеев, А.М. 2019, Интернационализация опорного университета: Арктический вектор, *Высшее образование в России*, т. 28, № 3, с. 127—136, <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-3-127-136>.
11. Larsen, H. 2021, The Arctic Exception: the Role of the EU in the Kingdom of Denmark's Arctic Policy, *European Foreign Affairs Review*, vol. 26, № 2, p. 289—308, <https://doi.org/10.54648/eerr2021020>.
12. Fan, Y. 2010, Branding the nation: Towards a better understanding, *Place Branding and Public Diplomacy*, vol. 6, № 2, p. 97—103, <https://doi.org/10.1057/pb.2010.16>.
13. Торкунов, А.В. 2012, Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России, *Вестник МГИМО-Университета*, № 4, с. 85—93, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-85-93>.
14. Смирнов, А.И., Хохтюлина, И.Н. 2012, *Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России*, Москва, ВНИИ геосистем.

15. Саямов, Ю.Н. 2014, Образование как «мягкая сила» для устойчивого развития, *Межпредметное партнерство в реализации программы формирования экологической культуры, здорового и безопасного образа жизни*, Материалы международной конференции, с. 17—29.
16. Антонова, Н.Л., Сущенко, А.Д., Попова, Н.Г. 2020, «Мягкая сила» высшего образования как фактор мирового лидерства, *Образование и наука*, т. 22, № 1, с. 31—58, <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-1-31-58>.
17. Антюхова, Е.А. 2019, Образование в политике мягкой силы США, *Политические исследования*, № 2, с. 123—136, <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.09>.
18. Антюхова, Е.А. 2019, Фактор образования в «мягкой силе» США, Китая и ЕС: сравнительный анализ, *Сравнительная политика*, № 2, с. 86—98, <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10018>.
19. Антюхова, Е.А. 2018, Образование как «мягкая сила» в современных зарубежных и российских политологических исследованиях, *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, т. 23, № 4, с. 197—209, <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.17>.
20. Фролова, О.А. 2013, «Мягкая сила» внешнеполитической деятельности США: институты и механизмы формирования, *Вестник РУДН. Сер.: Политология*, № 3, с. 49—54. EDN: RBMVJJ.
21. Братерский, М.В., Скриба, А.С. 2014, Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США, *Вестник международных организаций*, т. 9, № 2, с. 130—144. EDN: TIVYBL.
22. Андреева, Т.Л., Керн, К.Е. 2017, Лингвистический аспект как фактор внешней политики КНР в XXI в., *Вестник Томского государственного университета*, № 417, с. 25—29, <https://doi.org/10.17223/15617793/417/4>.
23. Шестова, Ю.О., Рыжкова, И.В. 2017, Академическая мобильность студентов: основные подходы к определению понятия, *Проблемы современного педагогического образования*, № 54 (8), с. 153—159. EDN: YLEOJH.
24. Журавлев, П.С., Зарецкая, О.В., Подоплекин, А.О., Репневский, А.В., Тамицкий, А.М. 2015, *Арктика в системе международного сотрудничества и соперничества*, Архангельск, САФУ, Архангельский научный центр РАН. EDN: UKLBMP.
25. Glover, N. 2011, *National Relations: Public Diplomacy, National Identity and the Swedish Institute 1945—1970*. Lund, Nordic Academic Press.
26. Åkerlund, A. 2020, *Regeringsstyrning av svensk offentlig diplomati. Om Svenska institutets myndighetsinstruktioner och regleringsbrev 1998—2018*, Stockholm, Elanders.
27. Åkerlund, A. 2018, The Slow Reunification of Development Assistance and Public Diplomacy: Exchange and Collaboration Activities through the Swedish Institute 1973—2012 in Pamment, J., Wilkins, K. G. (eds.), *The Politics of Foreign Aid Palgrave Studies in Communication for Social Change*, Cham, Palgrave, p. 143—167, https://doi.org/10.1007/978-3-319-76759-8_7.
28. Åkerlund, A., Collsiö, A., Börjesson, M. 2018, *Akademiskt utbyte och internationell migration. En studie av stipendiater inom Svenska institutets Visbyprogram 1997—2015*, Stockholm, Elanders.
29. Lundén, Th. 2022, Turning towards the inland sea? Swedish ‘soft diplomacy’ towards the Baltic Soviet republics before independence, *Scandinavian Journal of History*, vol. 47, № 3, p. 336—347, <https://doi.org/10.1080/03468755.2021.1896576>.
30. Simons, G. 2015, Nation Branding and Russian Foreign Policy, *Tractus Aevorum*, № 2 (p), <https://doi.org/10.18413/2312-3044-2015-2-2-204-225>.
31. Carlson-Rainer, E. 2017, Sweden is a world leader in peace, security, and human rights, *World Affairs*, vol. 180, № 4, p. 79—85, <https://doi.org/10.1177/0043820018759714>.
32. Дерябин, Ю.С., Антюшина, Н.М. (ред.). 2008, *Северная Европа. Регион нового развития*, Москва, Весь Мир. EDN: SIBFHP.
33. Stenberg, J., Cassinger, C., Pamment, J. 2017, *Bilden av Sverige i Kanada och USA*, Stockholm, Swedish Institute.
34. Pamment, J., Olofsson, A., Hjorth-Jensen, R. 2017, The response of Swedish and Norwegian public diplomacy and nation branding actors to the refugee crisis, *Journal of Communication Management*, vol. 21, № 4, p. 326—341, <https://doi.org/10.1108/JCOM-03-2017-0040>.

35. Nye, J. 2004, *Soft power: the means to success in world politics*, New York, Public Affairs.
36. Ковалева, Д. М. 2014, «Мягкая сила» образования как средство установления культурных связей и достижения политических целей, *Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем*, Материалы Международной научной конференции IX Колосницинские чтения, с. 33—36. EDN: YQYSDB.
37. Леонова, О. Г. 2013, Мягкая сила — ресурс внешней политики государства, *Observer*, № 4, с. 27—40.
38. Anholt, S. 2006, *Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*, Palgrave Macmillan, London, <http://dx.doi.org/10.1057/9780230627727>.

Об авторах

Герман Сергеевич Рагозин, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: ragozin92@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8695-4096>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

THE SWEDISH INSTITUTE'S SCHOLARSHIP POLICY AS A SOFT POWER INSTRUMENT

G. S. Ragozin

M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University
17 Naberezhnaya Severnoy Dviny, Arkhangelsk, 163002, Russia

Received 13 February 2023
Accepted 01 June 2023
doi: 10.5922/2079-8555-2023-3-4
© Ragozin, G. S., 2023

This paper examines how soft power, nation branding and academic cooperation came together in the scholarship policy pursued by the Swedish Institute (SI) from 1995 to 2023. An investigation of the organisation's materials, scholarship statistics and feedback interviews with SI programme alumni suggests that the implementation of the scholarship policy was erratic during the study period. A comprehensive analysis of the Institute's efforts was carried out to describe the relationship between nation branding, soft power and education. The focus was on the principles and practices behind promoting Sweden's image in an international educational setting, the evolution of the Institute's scholarship policy and the effect of soft power and nation branding on a grantee's academic track. Interactions between the SI and grantees during and after their stay in the country and scholarship distribution were examined to understand the dynamics behind the scholarship policy. The study draws on the concepts of nation branding and soft power to explore the corresponding elements in certain regional and national cases during the study period. It is concluded that the Institute is an effective tool of

Sweden's soft power, with its scholarship policy promoting the Government's official position on global social, economic and political development. SI grantees complete their chosen programmes and get acquainted with the country's social and political institutions. As of today, the educational component seems to be subordinate to nation branding and soft power.

Keywords:

nation branding, soft power, Swedish Institute (SI), international academic mobility, Sweden, foreign policy, scholarship policy

References

1. Nye, J. 1990. Soft Power, *Foreign Policy*, № 80, p. 153—171.
2. Boldyreva, S. Yu., Boldyrev, R. Yu., Beloshitskaya, N. N. 2020, Federal university's role in the implementation of the Russian Federation «soft power» conception in Central Asia (the case of Northern (Arctic) Federal university named after M. V. Lomonosov), *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, vol. 25, № 2, p. 223—232, <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.16>.
3. Brian, M., Hartwell, C., Nureev, B. 2014, «Myagkaya sila» — palka o dvukh kotsakh [“Soft power” as a double-edged sword], *BRICS business magazine*, № 1 (5), p. 64—75 (in Russ.).
4. Rugh, W. 2017, American soft power and public diplomacy in the Arab world, *Palgrave Communications*, № 3, 16104, <https://doi.org/10.1057/palcomms.2016.104>.
5. Tsygankov, A. 2013, Vsesilno, ibo verno? «Myagkaya sila» i teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy [Is it almighty since it is right? «Soft power» and International relations theory], *Rossiya v mirovoi politike [Russia in Global Affairs]*, № 6, p. 26—36 (in Russ.).
6. Govorova, N. V., Zhuravel, V. P., Samylovskaya, E. A. 2018, Rossiyskaya Arktika: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Russian Arctic: international cooperation issues], *Sovremennaya Evropa*, № 1, p. 156—159. EDN: YULDAC (in Russ.).
7. Zhuravel, V. P. 2021, The Russian Federation's Chairmanship at the Arctic Council, *Sovremennaya Evropa*, № 5, p. 90—99, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520219099> (in Russ.).
8. Kuznetsov, S. V., Mezhevich, N. M., Bolotov, D. A. 2016, Cross-border cooperation in the north-west of Russia: theory, Russian practical implementation in new geopolitical conditions. In: *Perspektivy socialno-ekonomicheskogo razvitiya prigranichnykh regionov, Materialy Tretey nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Border regions socio-economic development perspectives. Proceedings of the third research and practical conference with international participation], Petrozavodsk, RAS Karelian Research Centre, p. 54—57. EDN: ZAKBVH (in Russ.).
9. Podoplekin, A. O., Pavlenko, V. I., Hik, D., Mikkelsen, N., Barr, S., Rachold, V. 2014, International Arctic Science Committee: Arctic research priorities, *The Arctic Herald*, № 4 (12), p. 18—28. EDN: WIZJWN.
10. Ryzhkova, I. V., Sergeev, A. M. 2019, Internationalization of the Flagship University: Arctic Vector, *Vyshee obrazovanie v Rossii*, vol. 28, № 3, p. 127—136, <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-3-127-136> (in Russ.).
11. Larsen, H. 2021, The Arctic Exception: the Role of the EU in the Kingdom of Denmark's Arctic Policy, *European Foreign Affairs Review*, vol. 26, № 2, p. 289—308, <https://doi.org/10.54648/eerr2021020>.
12. Fan, Y. 2010, Branding the nation: Towards a better understanding, *Place Branding and Public Diplomacy*, vol. 6, № 2, p. 97—103, <https://doi.org/10.1057/pb.2010.16>.
13. Torkunov, A. V. 2012, Education as a Soft Power Tool in Russian Foreign Policy, *Vestnik MGIMO-Universiteta*, № 4 (25), p. 85—93, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-85-93> (in Russ.).
14. Smirnov, A. I., Kokhtyulina, I. N. 2012, *Globalnaya bezopasnost i «myagkaya sila 2.0»: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii* [Global Security and Soft Power 2.0: challenges and opportunities for Russia], M., *VNII Geosistem*, 280 p. (in Russ.).
15. Sayamov, Yu. N. 2014, Education as a “soft power” for sustainable development. In: *Mezhpredmetnoye partnerstvo v realizatsii programmy formirovaniya ekologicheskoi kultury, zdorovogo*

i bezopasnogo obraza zhizni, Materialy mezhdunarodnoi konferentsii [Interdisciplinary collaboration in ecological culture, healthy and secure lifestyle implementation. International conference proceedings], M., Moscow City Department of Education, p. 17—29 (in Russ.).

16. Antonova, N. L., Sushchenko, A. D., Popova, N. G. 2020, «Soft power» of higher education as a world leadership factor, *Obrazovaniye I nauka*, vol. 22, № 1, p. 31—58, <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-1-31-58> (in Russ.).

17. Antyukhova, E. A. 2019, Education in the US «soft power» policy, *Polis. Political Studies*, № 2, p. 123—136, <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.09> (in Russ.).

18. Antyukhova, E. A. 2019, Factor of Education in Soft Power of the United States, China and the EU: A Comparative Analysis, *Comparative Politics Russia*, № 2, p. 86—98, <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10018> (in Russ.).

19. Antyukhova, E. A. 2018, Education as a Soft Power in modern foreign and Russian political research, *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 23, № 4, p. 197—209, <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.17> (in Russ.).

20. Frolova, O. A. 2013, «Soft power» of foreign policy activity of the USA: institutions and mechanisms of formation, *RUDN Journal of Political Science*, № 3, p. 49—54. EDN: RBMVJJ (in Russ.).

21. Bratersky, M. V., Skirba, A. S. 2014, Soft power concept in the U.S. foreign strategy, *International Organisations Research Journal*, vol. 9, № 2, p. 130—144 (in Russ.). EDN: TIVYBL.

22. Andreyeva, T. L., Kern, K. E. 2017, Linguistic aspect as a factor of the foreign policy of the people's Republic of China in the 21st century, *Tomsk State University Journal*, № 417, p. 25—29, <https://doi.org/10.17223/15617793/417/4> (in Russ.).

23. Shestova, Yu. O., Ryzhkova, I. V. 2017, Student academic mobility: main approaches to defining the notion, *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, № 54 (8), p. 153—159 (in Russ.). EDN: YLEOJH.

24. Zhuravlev, P. S., Zaretskaya, O. V., Podoplekin, A. O., Repnevskiy, A. V., Tamitskiy, A. M. 2015, *Arktika v sisteme mezhdunarodnogo sotrudnichestva i sopernichestva* [Arctic in international cooperation and rivalry systems], Arkhangelsk, NArFU, RAS Arkhangelsk Research Centre, 159 p. (in Russ.). EDN: UKLBMP.

25. Glover, N. 2011, *National Relations: Public Diplomacy, National Identity and the Swedish Institute 1945—1970*, Lund, Nordic Academic Press.

26. Åkerlund, A. 2020, *Regeringsstyrning av svensk offentlig diplomati. Om Svenska institutets myndighetsinstruktioner och regleringsbrev 1998—2018*, Stockholm, Elanders.

27. Åkerlund, A. 2018, The Slow Reunification of Development Assistance and Public Diplomacy: Exchange and Collaboration Activities through the Swedish Institute 1973—2012 in Pamment, J., Wilkins, K. G. (eds.), *The Politics of Foreign Aid Palgrave Studies in Communication for Social Change*, Cham, Palgrave, p. 143—167, https://doi.org/10.1007/978-3-319-76759-8_7.

28. Åkerlund, A., Collsiö, A., Börjesson, M. 2018, *Akademiskt utbyte och internationell migration. En studie av stipendiater inom Svenska institutets Visbyprogram 1997—2015*, Stockholm, Elanders.

29. Lundén, Th. 2022, Turning towards the inland sea? Swedish 'soft diplomacy' towards the Baltic Soviet republics before independence, *Scandinavian Journal of History*, vol. 47, № 3, p. 336—347, <https://doi.org/10.1080/03468755.2021.1896576>.

30. Simons, G. 2015, Nation Branding and Russian Foreign Policy, *Tractus Aevorum*, № 2 (p), <https://doi.org/10.18413/2312-3044-2015-2-2-204-225>.

31. Carlson-Rainer, E. 2017, Sweden is a world leader in peace, security, and human rights, *World Affairs*, vol. 180, № 4, p. 79—85, <https://doi.org/10.1177/0043820018759714>.

32. Antyushina, N. M., Deryabin, Yu. S. (eds.). 2008, Northern Europe. The region of new development, Moscow, Ves' mir. EDN: SIBFHP.

33. Stenberg, J., Cassinger, C., Pamment, J. 2017, *Bilden av Sverige i Kanada och USA*, Stockholm, Swedish Institute.

34. Pamment, J., Olofsson, A., Hjorth-Jensen, R. 2017, The response of Swedish and Norwegian public diplomacy and nation branding actors to the refugee crisis, *Journal of Communication Management*, vol. 21, № 4, p. 326—341, <https://doi.org/10.1108/JCOM-03-2017-0040>.

35. Nye, J. 2004, *Soft power: the means to success in world politics*, New York, Public Affairs.
36. Kovaleva, D.M. 2014, «Myagkaya sila» obrazovaniya kak sredstvo ustanovleniya kulturnykh svyazei i dostizheniya politicheskikh tselei [«Soft power» of education as a means of cultural bounds establishment and political targets achievement], *Rossiya i Vostok: kulturnye svyazi v proshlom i nastoyashchem, Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii IX Kolosnitsynskie chteniya* [Russia and the Orient: cultural bounds in the past and today, Proceedings of the international research conference «IX Kolosnitsyn readings»], Ekaterinburg, Humanitarian University Publishing, p. 33—36. EDN: YQYSDB (in Russ.).
37. Leonova, O.G. 2013, Myagkaya sila — resurs vneshnei politiki gosudarstva [Soft power as a tool of state foreign policy], *Observer*, №4, p. 27—40 (in Russ.).
38. Anholt, S. 2006, *Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. Palgrave Macmillan, London, <http://dx.doi.org/10.1057/9780230627727>.

The author

Dr German S. Ragozin, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Russia.

E-mail: gragozin92@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8695-4096>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))